10. Telegram From the Department of State to the Embassy in Japan State / Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Japan, Volume XXIII, Part 1 // The Office of the Historian [Electronic resource]. – Mode of access: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v23p1/d8>. – Date of access: 12.02.2020.

11. Tanaka, T. The Soviet-Japanese Normalization in 1955-6 and US-Japanese Relations / T. Tanaka // Hitotsubashi journal of law and politics. – 1993. – № 21. – P. 65–93.

(Дата подачи: 20.02.2020 г.)

Ю. И. Малевич, Э. Э. Румянцев

Белорусский государственный университет, Минск

Y. Malevich, E. Ruhmiantsev

Belarus State University, Minsk

УДК 327(8)(091)

УСИЛИЯ КНР ПО ФОРМИРОВАНИЮ ПОЯСА СТАБИЛЬНОСТИ В АФГАНИСТАНЕ В XXI В.

CHINA'S EFFORTS FOR FORMING A STABILITY BELT IN AFGHANISTAN IN THE XXI CENTURY

В статье выявлена роль Китайской Народной Республики в формировании пояса стабильности вокруг Афганистана в текущем столетии; показана важность данного политического феномена для обеспечения безопасности на региональном и субрегиональном уровнях. Особое внимание уделено китайским усилиям обеспечения безопасности, принимаемым на международном уровне, включая СБ ООН.

Ключевые слова: КНР; Афганистан; региональная безопасность; Талибан; двусторонние отношения; СБ ООН.

The article reveals the role of the People's Republic of China in the formation of the stability belt around Afghanistan in the current century. The importance of this political phenomenon for ensuring security at the regional and subregional levels is also shown. Particular attention has been paid to China's international security efforts, including the UN Security Council.

Keywords: China; Afghanistan; regional security; Taliban; bilateral relations; UN Security Council.

После вывода советского военного контингента из Афганистана в 1989 г. афганский народ столкнулся с совокупностью различных проблем социального и экономического характера, а главное со сложной ситуацией в сфере безопасности и политики. События, которые происходили в Афганистане в течение 1990-х гг., во многом определили современное состояние внешней политики страны, отношение других стран к официальному Кабулу.

В 1996 г. к власти в Афганистане пришло движение «Талибан», которое характеризовалось приверженностью к таким экстремально религиозно-философским концепциям, как исламизм, панисламизм, ваххабизм. Стоит отметить, что первоначально «Талибан» было сравнительно небольшой по численности группой, которая образовалась в первой половине 1990-х гг.

на территории Пакистана. Благодаря тому, что группа получила широкую поддержку различных народностей, проживающих в Афганистане, в 1995 г. «Талибан» оброс сторонниками и смог подчинить южные провинции страны. По мнению российского востоковеда Р. Р. Сикоева, талибы в подавляющем большинстве являлись представителями маргинальных слоев населения, как Афганистана, так и Пакистана [1, с. 192].

В результате совокупность сложного социального положения, непростой ситуации в сфере безопасности, нестабильности политической власти, снижение заинтересованности великих держав к Афганистану, привело к тому, что вся территория страны оказалась подконтрольной движению «Талибан».

На протяжении 1990-х гг. ситуация вокруг «Талибан» постоянно усугублялась. Во-первых, реализация внешней политики движения отличалась агрессивностью, исламистскими тенденциями, призывами организовать войну в странах Центральной Азии, поддержкой событий в Чечне. Во-вторых, во внутренней политике, в Афганистане были отмечены серьезные концептуальные нарушения прав человека. В-третьих, экстремистские идеологические установки и агрессивные действия власти по отношению к иноверцам, привели к формированию на территории страны различных террористических групп, в том числе Аль-Каиды во главе с Усамой бен Ладеном.

Несомненно, указанные события вызывали серьезные опасения у мирового сообщества, в том числе и у КНР. Если бывшие советские среднеазиатские республики опасались дальнейшей эскалации ситуации, Россия выступала с предложениями о скорейшем критическом рассмотрении мировым сообществом ситуации в Афганистане, а страны запада критиковали внешнюю и внутреннюю политику Талибана, то на их фоне значительные отличия имела позиция КНР. У Китая, как и других государств Центральной Азии имелись серьезные основания полагать, что правящий режим в Афганистане несет реальную вооруженную угрозу субрегиональной и региональной безопасности. Однако, в отличие от позиции России и государств Центральной Азии, КНР стремился найти иной подход разрешения сложившейся ситуации [2, с. 117].

В 2000 г. между руководителем движения «Талибан» муллой Омаром и представителями МИД КНР в посольстве Китая в Исламабаде прошла встреча, во время которой афганский руководитель заверил своего оппонента в том, что Кабул не допустит использования своей территории для дестабилизации ситуации в приграничных районах КНР и Пакистана [3].

Как отмечал российский востоковед М. В. Казанин, еще с конца 1990-х гг. в рамках китайской дипломатической службы были сформированы специальные подразделения, целью которых было налаживание диалога с Афганистаном. Это делалось для того, чтобы сократить возможность распространения террористической угрозы со стороны официального руководства Афганистана и других групп, которые нашли убежище на ее территории [3].

Еще накануне террористических атак в США 11 сентября на заседании СБ ООН 30 июля 2001 г. был рассмотрен проект резолюции «Письмо Генерального секретаря от 21 мая 2001 г. на имя Председателя Совета Безопасности», пост которого занимал постоянный представитель КНР Ван Инфань. В основе проекта резолюции лежали рекомендации для мирового сообщества в отношении контроля за соблюдением эмбарго на поставки оружия, введенного против движения «Талибан» [4].

Несмотря на собственные попытки усилить международное влияние на Талибан, сформировать благоприятное окружение и выступить посредником между Талибаном и мировым сообществом в рамках сложившейся ситуации, КНР, осознавая всю ответственность ситуации, проголосовал за принятие проекта резолюции. Ситуация изменилась после событий 11 сентября, когда в нескольких точках Соединенных Штатов Аль-Каидой были совершены террористические акты. Американским спецслужбам было известно, что лидер Аль-Каиды У. Бен Ладен с 1990-х гг. постоянно находится на территории Афганистана и его деятельность не ограничивалась эстеблшментом.

После событий 11 сентября, в рамках экстренной деятельности СБ ООН было проведено заседание, на повестку дня которого легла тема «Угрозы международному миру и безопасности, создаваемые атаками терроризма». Постоянный представитель КНР при СБ ООН Ван Инфань выступил с заявлением, в котором отметил, что Пекин выступает в поддержку действий ООН «в деле активизации ее деятельности по предотвращению терроризма и борьбе с ним» [5].

По итогам заседания была принята Резолюция № 1368 (2001), которая призвала все государства предпринять совместные усилия для того, «чтобы предать правосудию исполнителей, организаторов и спонсоров террористических атак в США 11 сентября 2001 г.» [6].

В дальнейшем в стратегии действий и резолюций, предпринимаемых СБ ООН, учитывалось возможное вовлечение при осуществлении террористических атак Аль-Каидой ресурсов движения «Талибан», а именно покрывательство ответственных за совершение международных преступлений лиц. По этой причине 14 ноября 2001 г. была принята Резолюция № 1378 (2001), в которой признавался сложный характер в сфере политики и безопасности в Афганистане, осуждалась помощь Талибана в укрытии Усамы бен Ладена и «Аль-Каиды» [7].

Китай, как и другие члены СБ ООН, проголосовал за принятие резолюции, которая предусматривала гуманитарную поддержку афганскому народу, оказание помощи в социально-экономической реконструкции страны и ее восстановлении. Следующим этапом деятельности мирового сообщества в борьбе с террористической угрозой, исходившей от территории Афганистана, стало принятие в рамках СБ ООН Резолюции № 1386 (2001), которая санкционировала создание на период 6 месяцев «Международных сил содей-

ствия безопасности для оказания помощи афганскому Временному органу в обеспечении безопасности в Кабуле и прилегающих к нему районах» [8].

Начало операции Международных сил содействия безопасности (МССБ) стало новым этапом в истории Центральной Азии, что привело к появлению в регионе американской военной администрации. В последующий период отношения КНР и Афганистана определялись развитием внутренней ситуации в стране. Стоит отметить, что операция МССБ растянулась до 2014 г., характеризуясь переменным успехом группы международных сил. В первый год проведения операции (2002) ситуация характеризовалась спокойной обстановкой, в то время как с 2003–2005 гг. на территории Афганистана развернулась партизанская борьба различных групп, что традиционно приводило к росту потерь среди сил МССБ и американского военного контингента.

Усиление данных тенденций привело к тому, что у Пекина возникли опасения о возможном проникновении террористических групп с территории Афганистана на территорию КНР. При поддержке других участников ШОС КНР добился приглашения афганского президента Х. Карзая на саммит организации в Ташкенте в 2004 г. По итогам Саммита был подписан Протокол о создании Контактной группы ШОС-Афганистан [9].

Большое значение в развитии диалога Пекина и Кабула представлял вопрос участия Афганистана в специально созданной в рамках Шанхайской организации сотрудничества контактной группы ШОС-Афганистан. По итогам встречи глав государств-членов ШОС 5 июля 2005 г. была принята Декларация, по итогам которой «ШОС готова активно участвовать в международных усилиях по формированию вокруг Афганистана антинаркотических поясов, в разработке и осуществлении специальных программ по оказанию помощи Афганистану в целях стабилизации его социально-экономической и гуманитарной ситуации». Окончательное оформление группы было завершено во время саммита в Пекине 4 ноября 2005 г. Основной задачей данного направления являлась выработка рекомендаций и предложений по стабилизации афганской ситуации. Основными механизмами работы группы выступили консультативные встречи.

Стоит также отметить, что внутри ШОС сформировалось еще одно направление сотрудничества, которое представляло собой актуальную проблему современности – бесконтрольный рост объемов и регионов сбыта наркоторговли, сырьевым источником которой являлась территория Афганистана.

Как отмечено в Декларации о создании «Шанхайская организация сотрудничества придает приоритетное значение региональной безопасности и предпринимает все необходимые усилия для ее обеспечения». В целом, благодаря позиции КНР первоначально весомый приоритет в повестке дня заседаний различных ведомств ШОС занимали вопросы, связанные с ситуацией в Афганистане. Вопросы обеспечения безопасности в отношениях между странами продолжали оставаться на повестке дня афгано-китайского диалога на протяжении всего периода миссии МССБ, а также после выво-

да военного контингента. Вывод войск МССБ был проведен в соответствии с Резолюцией СБ ООН № 2189 (2014). После чего, афганские власти в полном объеме должны были взять на себя обязательство по обеспечению безопасности в стране с конца 2014 г.

После окончания деятельности международной Миссии, в соответствии с Резолюцией № 2189 ООН, в стране была развернута новая невоенная миссия «Решительная поддержка» («для обучения и консультирования национальных сил обороны и безопасности и оказания им помощи, оказание финансовой поддержки Афганским национальным силам обороны и безопасности и долгосрочное устойчивое партнерство НАТО с Афганистаном») [10].

В январе 2016 г. была учреждена Четырехсторонняя координация группа из представителей Афганистана, КНР, Пакистана и США. Целью деятельности группы стало облегчение ведения переговоров между афганским правительством и движением «Талибан». Несмотря на конструктивные попытки Четырехсторонней группы реализовать перемирие в стране, сформировать диалог, к 2018 г. вопрос не был окончательно решен, что осложнялось частыми террористическими актами в стране, а также убийством в Пакистане главы Талибана муллы Омара [11].

На политическом и дипломатическом уровнях Китай продолжал делать попытки играть ключевую посредническую роль в переговорном процессе между всеми враждующими политическими и военными силами Афганистана. В декабре 2017 г. в Пекине состоялась трехсторонняя встреча министров иностранных дел КНР, Пакистана, Афганистана 2017 г., на которой Исламабад и Кабул договорились проводить политику, направленную на улучшение двусторонних отношений.

Как отметил в своей статье американский журналист издания «The diplomat» К. Токтомушев, в 2018 г. стало известно о намерении КНР построить на территории Афганистана свою военную базу. По утверждению представителя Министерства обороны Афганистана, соглашение о строительстве базы было достигнуто в декабре 2017 г. в Пекине. В Китае по-прежнему преобладает опасение, что радикальные исламисты могут использовать Афганистан и Центральную Азию в качестве благодатной почвы для разжигания нестабильности в Синьцзяне, и эти опасения усилились в связи с растущим дискурсом о нарастании мусульманской радикализации в Центральной Азии [12].

Стоит отметить, что ситуация в Афганистане повлияла на трансформацию внешней политики КНР по вопросу антитеррористической деятельности. Свои усилия в данном направлении КНР целенаправленно сфокусировала на сотрудничестве в большей степени с Афганистаном, странами Центральной и Южной Азии.

Российский аналитик В. Платов отмечает, что основными механизмами деятельности КНР в сфере борьбы с террористической угрозой для сохранения региональной безопасности являются:

- увеличение расходов на обеспечение обороны и безопасности государств Центральной и Южной Азии;
- увеличение численного состава правоохранительных органов, спецслужб;
- проведение антитеррористических учений и тренировок [13].

Подобный подход Пекина обусловлен тем, что в среднесрочной перспективе активность ИГИЛ может распространиться на Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР). Принятый в Китае «Антитеррористический закон КНР» предусматривает, что в случае возникновения угрозы китайской национальности безопасности, Пекин может ввести войска на территорию сопредельных государств под предлогом всесторонней помощи по борьбе с терроризмом [13].

Таким образом, несмотря на то, что протяженность границы между странами составляет всего 76 км, вопрос безопасности и политической стабильности в Афганистане играет большое значение для Пекина. Проведенный анализ показывает, что КНР эффективно и без промедления реагирует на изменения афганской внутренней ситуации. Первопричиной данных действий КНР является желание не допустить проникновения террористических групп в СУАР с сопредельной афганской территории.

После начала военной операции МССБ Пекин стремился стать ключевым посредником для проведения между всеми политическими и военными силами Афганистана консультаций, в том числе с движением «Талибан». Также заслугой китайской дипломатии стало формирование группы внутри ШОС, в рамках которой страны Центральной Азии, КНР и Россия проводили дискуссии, консультации и вырабатывали рекомендации, позволяющие реально противостоять угрозам дестабилизации их внутренней ситуации со стороны экстремистских групп, базирующихся на территории Афганистана. Несмотря на то, что внутреннее положение в Афганистане продолжает оставаться напряженным, у афганского народа сформировалось благоприятное впечатление о китайской помощи, посредничестве и дипломатических усилиях по установлению стабильности в стране.

Список используемых источников

1. *Сикоев, Р. Р.* Талибы (религиозно-политический портрет) / Р. Р. Сикоев. – М.: Крафт+, 2004. – 256 с.
2. Афганистан: тупик и выход / KNEWS [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://knews.kg/2018/11/20/afghanistan-tupik-i-vyhod-the-nationpakistan/>. – Дата доступа: 16.03.2019.
3. *Голобоков, А. С.* Становление и развитие внешнеполитической доктрины Китая / А. С. Голобоков // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2010. – № 3. – С. 117–124.
4. *Платов, В.* Китай усиливает свое влияние в Афганистане / В. Платов // Русская Евразия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusevr.asia/kitajusilivaet-svoe-vliyanie-v-afganistane/>. – Дата доступа: 16.03.2019.
5. Предварительный отчет «Положение в Афганистане» / Организация Объединенных наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/S/PV.4352>. – Дата доступа: 16.03.2019.

6. Предварительный отчет «Угрозы международному миру и безопасности, создаваемые актами терроризма» / Организация Объединенных наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/S/PV.4370>. – Дата доступа: 16.03.2019.

7. Резолюция 1368 (2001), принятая Советом Безопасности на его 4370-м заседании 11 сентября 2001 г. / Организация Объединенных наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/1368\(2001\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1368(2001)). – Дата доступа: 16.03.2019.

8. Резолюция, 1378 (2001), принятая Советом Безопасности на его 4415-м заседании 14 ноября 2001 г. / Организация Объединенных наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/1378\(2001\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1378(2001)). – Дата доступа: 16.03.2019.

9. Резолюция № 1368 (2001), принятая Советом Безопасности на его 4443-м заседании 20 декабря 2001 г. / Организация Объединенных наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/1386\(2001\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1386(2001)). – Дата доступа: 16.03.2019.

10. Резолюция 2189 (2014), принятая Советом Безопасности на его 7338-м заседании 12 декабря 2014 года / Организация Объединенных наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/691/63/PDF/N1469163.pdf?OpenElement>. – Дата доступа: 28.03.2019.

11. Сафронова, Е. И. К вопросу об оптимизации экономических отношений по линии «ШОС-Афганистан» / Е. И. Сафронова // Китай в международной и региональной политике. История и современность. – 2012. – № 17. – С. 280–293.

12. Toktomushev, K. China's military base in Afghanistan / K. Toktomushev // The diplomat [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access: <https://thedi diplomat.com/2018/01/chinas-military-base-in-afghanistan/>. – Date of access: 04.04.2019.

13. Казанин, М. В. О контактах властей КНР и Движения «Талибан» / М. В. Казанин // Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=26302>. – Дата доступа: 16.03.2019.

(Дата подачи: 19.02.2020 г.)

А. І. Мастыка

Республіканскі інстытут вышэйшай школы

A. I. Mastyka

National Institute for Higher Education

УДК 94(438+476)”19”

УНІВЕРСІТЭТ СТЭФАНА БАТОРЫЯ Ё ВІЛЬНІ Ў СІСТЭМЕ ВЫШЭЙШАЙ АДУКАЦЫІ МІЖВАЕННАЙ Польшчы

STEFAN BATORY UNIVERSITY IN VILNIUS AT A HIGHER EDUCATION SYSTEM IN INTERWAR POLAND

Артыкул прысвечаны ўзнікненню і развіццю Універсітэта Стэфана Баторыя (УСБ) у Вільні ў міжваенны перыяд. Гісторыя УСБ прадстаўлена ў кантэксце станаўлення і разбурэння сістэмы вышэйшай адукацыі ў Польшчы ў 1920–1930-х гг. і тых сацыяльных і палітычных выклікаў, якія паўставалі перад польскай вышэйшай школай у гэты час. У артыкуле прадстаўлены асаблівасці УСБ як рэгіянальнага ўніверсітэта – адзі-